

Вновь о гибридной войне: Спор о терминах

Джеймс Уизер

Европейский центр исследований в области безопасности им. Джорджа Маршалла, <https://www.marshallcenter.org>

Аннотация: Гибридная война – наиболее общий термин, применяемый для описания сложности и многогранности современной войны. Гибридная война означает принудительные методы стратегического противоборства ниже порога обычного военного конфликта и обычно применяется по отношению к сочетанию военных и невоенных методов ведения войны, используемых главными противниками Запада – Россией и Китаем. Термин «гибридная война» развился из сугубо военного понятия в понятие, потенциально охватывающее все инструменты государственной власти. Гибридная война остаётся не вполне определённым и спорным понятием, и для описания этого явления используют много других новомодных терминов, как нерегулярная война, гибридные угрозы и агрессия в серой зоне. В этой статье рассмотрена эволюция взглядов на гибридную войну и родственные понятия. В ней освещены проблемы, с которыми столкнулись ученые и практики, пытаясь определить и применить эти термины в политическом сообществе, чтобы обеспечить их общее понимание и стратегическое единство.

Ключевые слова: война, стратегическое противоборство, НАТО, Россия, Китай, США.

Вступление

До захвата Российской Федерацией Крыма в марте 2014 г. тема гибридной войны была интересна прежде всего военным аналитикам. Впоследствии этот термин широко вошел в политику безопасности на Западе, и гибридной войной стали называть все виды враждебной деятельности России. «Гибридными» также всё чаще называют операции Китая в Южно-Китайском море, войны иранских «прокси» и интриги Северной Кореи на Корейском

полуострове. При этом гибридная война превратилась из сугубо военного понятия в понятие, потенциально охватывающее все инструменты государственной власти. В минувшие годы эта тема также породила значительный массив научной литературы и политических документов. Тем не менее «гибридная война» остаётся не вполне определённым и спорным понятием, которое часто используют для общего описания современных войн. Статус термина «гибридная война» отражает не решённую пока задачу показать сложность конфликта в XXI веке, который включает множество участников и размывает различия между разными летальными и нелетальными формами войны и даже между традиционными понятиями войны и мира.

Эта статья продолжает и развивает более раннюю работу автора в *Connections* 2016 г. – «Смысл гибридной войны».¹ В ней предложен дальнейший анализ эволюции осмысления предмета, особенно в контексте стратегического противоборства, а также рассмотрены родственные понятия, которые учёные, практики и аналитики часто используют для описания характера современной войны. К ним, в частности, относятся нерегулярная война, гибридные военные действия и агрессия в серой зоне, хотя существует и множество других терминов. Чтобы представить и западные взгляды, статья содержит краткий обзор российского и китайского подходов к гибридной войне. В последнем разделе представлены первые наблюдения о характере войны в Украине. Как и в предыдущей статье, в этой статье мы постарались разобраться с существующей терминологией, используемой для описания характера современной войны, и с тем, насколько термин «гибридная война» и связанные с ним понятия помогают нашему пониманию.

Существует множество определений гибридной войны, однако автору импонирует предложенное бывшим командующим сухопутными войсками США в Европе генералом Беном Ходжесом. В нём предлагается приемлемое сочетание использования этого термина до и после 2014 года и сохранён «силовой» характер понятия:

Гибридная война — это сочетание обычной войны, нерегулярной войны и использования других возможностей, в частности, кибернетических, дезинформации, денег и коррупции, для достижения политического результата, что всегда подкрепляется угрозой или использованием обычных вооружений.²

¹ Джеймс К. Уизер, «Смысл гибридной войны», *Connections: The Quarterly Journal* 15, № 2 (2016): 84-100, <http://dx.doi.org/10.11610/Connections.rus.15.2.06>.

² Ben Hodges, “Lt-Gen Ben Hodges on the Future of Hybrid Warfare,” *CEPA*, April 8, 2021, по состоянию на 24 октября 2022, <https://cepa.org/article/lt-gen-ben-hodges-on-the-future-of-hybrid-warfare/>.

Истоки понятия гибридной войны

В 1999 году выдающийся стратег Колин Грей утверждал, что «войны могут вестись между обычными регулярными армиями, между регулярными и нерегулярными армиями, и между нерегулярными противниками».³ Мысль Грея отражала общепринятый, традиционный западный подход, определяющий войну как крупномасштабное организованное насилие, и проводила четкое различие между войной и миром. Взгляды начали меняться в 2000-х годах в результате вооружённых конфликтов, последовавших за терактом 11 сентября. В 2006 году Грей признал, что «Удобное бинарное отличие между регулярной и нерегулярной войной гораздо менее ясно на практике, чем в теории ... когда регулярные силы применяют нерегулярные методы ведения войны, а нерегуляры переходят от открытой к партизанской войне, и наоборот, это отличие может исчезнуть».⁴ Наряду с такими терминами, как асимметричная, нерегулярная и нетрадиционная война, гибридная война стала распространённым способом описания меняющегося характера, если не природы, войны. До 2014 г. военные специалисты считали быстротечную войну между Израилем и «Хезболлой» в 2006 г. конфликтом, наиболее соответствующим современным определениям гибридной войны. «Хезболла» удивила Армию обороны Израиля комплексным применением партизанской и традиционной военной тактики, а также эффективной кампанией стратегической коммуникации. Определения гибридной войны того времени подчёркивали сочетание обычных и нерегулярных подходов во всём спектре вооружённых конфликтов. Самое авторитетное современное определение предложил Фрэнк Хоффман:

... разные способы ведения войны, включая обычные возможности, нерегулярную тактику и формирования, теракты, в т.ч. неизбирательное насилие и принуждение, а также криминальный хаос, применяемые обеими сторонами и различными негосударственными субъектами.⁵

Сочетание государственных и негосударственных вооружённых сил и использование пропаганды были характерной чертой войн с древних времен. Гибридную войну, как её определяли в 2000-е гг., вряд ли можно назвать новым явлением.⁶ В докладе Счётной палаты правительства США за 2010 год содержится вывод о том, что «гибридная война не стала новой формой

³ Colin S. Gray, *Modern Strategy* (Oxford: Oxford University Press, 1999), 159.

⁴ Colin S. Gray, *Another Bloody Century: Future Warfare* (London: Orion Books, 2006), 199.

⁵ Frank G. Hoffman, *Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars* (Arlington, VA: Potomac Institute for Policy Studies, December 2007), 8, https://www.potomac.institute.org/images/stories/publications/potomac_hybridwar_0108.pdf.

⁶ Детальный анализ см. Peter R. Mansoor, "Hybrid War in History," в *Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present*, ed. Williamson Murray and Peter R. Mansoor (Cambridge: Cambridge University Press, 2012).

войны». ⁷ Однако современные гибридные войны от их исторических форм может отличать сочетание обычных и нерегулярных методов ведения войны. Традиционно обычные и нерегулярные операции, такие, как действия партизан и регулярных войск на Восточном фронте во время Второй мировой войны, проводились одновременно, но раздельно. Операции нерегулярных боевиков также обычно были второстепенными по сравнению с кампаниями обычных вооружённых сил.

Аналитики также использовали термин «асимметричная война», чтобы описать попытки государственных и негосударственных противников США достичь своих стратегических целей, не вступая в конфронтацию с регулярными американскими вооружёнными силами. В книге «Неограниченная война», изданной двумя полковниками Народно-освободительной армии Китая (НОАК) в 1999 году, предложен план асимметричной войны против Соединенных Штатов. Среди предложений книги – несиловые методы ведения войны, которые позже стали частью гибридного сценария, такие, как дезинформация в СМИ, экономическое принуждение и взлом компьютеров. ⁸ Поскольку нацеленность на уязвимые места противника, вместо того, чтобы позволять ему использовать его сильные стороны – всего лишь разумная стратегия, существовал скептицизм по поводу полезности этого термина. Так, стратег Хью Страчан сетовал, что термин «асимметричная война» очень широко применяется ко всем формам вооружённого конфликта, не являющимся обычной межгосударственной войной. ⁹ В современных дискуссиях также фигурирует теория войны четвертого поколения. ¹⁰ Пророческим элементом этой концепции была возможная роль новых технологий в когнитивной сфере будущих войн, где сетевые СМИ и Интернет можно использовать для влияния на политиков и общественное мнение в избранном государстве, чтобы подорвать его волю к борьбе. Марк Галеотти позже описал эту форму несиловой войны как «войну против власти», где используется общественное недовольство и недоверие, социальные разломы, и подвергается сомнению легитимность власти. ¹¹ Как и у многого другого, о

⁷ Loretta Sanchez, Jeff Miller, and Adam Smith, “Hybrid Warfare,” GAO-10-1036R (Washington, DC: United States Government Accountability Office, September 2010), по состоянию на 24 октября 2022, <https://www.gao.gov/products/gao-10-1036r>.

⁸ Qiao Liang and Wang Xiangsui, *Unrestricted Warfare* (Beijing: PLA Literature and Arts Publishing House, February 1999), по состоянию на 5 ноября 2022, <https://www.oodaloo.com/documents/unrestricted.pdf>.

⁹ См., например, Hew Strachan, *The Direction of War: Contemporary Strategy in Historical Perspective* (Cambridge: Cambridge University Press, December 2013), 82.

¹⁰ См., например, Tim Benbow, “Talking ‘Bout Our Generation? Assessing the Concept of Fourth Generation Warfare,” *Comparative Strategy* 27, no. 2 (2008): 148-163, <https://doi.org/10.1080/01495930801944685>.

¹¹ Interview by Octavian Manea with Dr. Mark Galeotti, “Hybrid War as a War on Governance,” *Small Wars Journal*, August 19, 2015, по состоянию на 24 октября 2022, <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/hybrid-war-as-a-war-on-governance>.

чём идёт речь в этой статье, имелись исторические прецеденты такой стратегии во время Холодной войны. А китайский философ Сунь Цзы говорил о возможности подрывной деятельности для формирования поля битвы ещё в V веке до нашей эры. В его трактате «Искусство войны» содержится знаменитый афоризм: «Повергнуть армию врага без боя — истинная вершина мастерства».¹² Что и остаётся фундаментальной целью гибридной войны.

Гибридная война в Украине в 2014 году

Российская кампания в Украине в 2014 году стала важным катализатором перемен в мышлении Запада и активизировала анализ последствий для безопасности Запада.¹³ Учёные и специалисты в области безопасности назвали стратегию и тактику России «гибридной войной», хотя некоторые сомневались в новизне этой концепции.¹⁴

В Крыму Россия провела тайную операцию, используя размещённые там войска, силы специальных операций (ССО) и своих прокси. Операцию в Крыму маскировали одновременные военные манёвры, а российские войска и их прокси быстро взяли власть в ходе практически бескровной кампании.¹⁵ Крым стал примером успешной военной операции, но именно использование дополнительных несиловых методов ведения войны вызвало наибольший интерес наблюдателей и позволило назвать эту операцию «гибридной».¹⁶ Тактика России включала агрессивную кампанию дезинформации, представлявшую новое правительство в Киеве как фашистскую хунту, использование средств РЭБ против линий связи украинских служб безопасности, организацию беспорядков, экономическое принуждение со стороны «Газпрома» и использование марионеточных сил. Российская стратегическая кампания дезинформации также успешно манипулировала общественным мнением в Украине и на Западе, создавала замешательство и не-

¹² Sun Tzu, *The Art of War*, Translated by Samuel B. Griffith (Oxford: Oxford University Press, 1971), 41, 77.

¹³ Источники см. в Wither, “Making Sense of Hybrid Warfare.”

¹⁴ См., например, Geraint Hughes, “Little Green Men and Red Armies: Why Russian ‘Hybrid War’ Is Nothing New,” Research Blog, *Defence in Depth*, King’s College London, March 14, 2016, <https://defenceindepth.co/2016/03/14/little-green-men-and-red-armies-why-russian-hybrid-war-is-not-new/>; и Bettina Renz, “Russia and ‘Hybrid Warfare’,” *Comparative Politics* 22, no. 3 (2016): 283-300, <https://doi.org/10.1080/13569775.2016.1201316>.

¹⁵ Michael Kofman et al., “Lessons from Russia’s Operations in Crimea and Eastern Ukraine,” Research Report RR-1498-A (Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2017), xi, по состоянию на 20 октября 2022, <https://doi.org/10.7249/RR1498>.

¹⁶ См., например: Ralph D. Thiele, “Crisis in Ukraine – The Emergence of Hybrid Warfare,” ISPSW Strategy Series, May 2015, accessed October 20, 2022, www.files.ethz.ch/isn/190792/347_Thiele_RINSA.pdf; и Stephen Blank, “Russia, Hybrid War and the Evolution of Europe,” *Second Line of Defense*, February 14, 2015, <https://slidinfo.com/2015/02/russia-hybrid-war-and-the-evolution-of-europe/>.

доверие и мешала эффективному принятию антикризисных решений. Однако, учитывая особую уязвимость Украины в 2014 году, более широкая пригодность российской тактики была преувеличена. В ходе последующих операций на востоке Украины вскоре стало очевидно, что общая кампания России характеризовалась рядом в значительной степени импровизированных шагов, а не последовательной всеобъемлющей стратегией.¹⁷

Обсуждение гибридной войны привело к дальнейшему расширению этого понятия, по сравнению с предыдущими определениями, при большем внимании к невоенным мерам, охватывающим психологические, информационные и кибероперации, проводимые ниже порога традиционного понимания войны. *Military Balance 2015*, например, определял гибридную войну, как

использование военных и невоенных инструментов в комплексной кампании, направленной на достижение внезапности, захват инициативы и получение психологических и физических преимуществ, с применением дипломатических средств; сложных и быстрых информационных, электронных и киберопераций; скрытых, а иногда и явных военных и разведывательных мер; и экономического давления.¹⁸

Такие описания гибридной войны выходили за рамки военизированного определения Хоффмана, охватывали более широкую сферу стратегических угроз и включали многие элементы типичного стратегического противоборства государств. Сам Хоффман критиковал расширительное использование этого термина и настаивал, что гибридную войну следует отличать от ненасильственных форм конфликта.¹⁹

Гибридная война России

Действия России в Украине существенно повлияли на формирующуюся на Западе концепцию гибридной войны. Однако многие первоначальные идеи основывались на неправильной интерпретации работ российских военных аналитиков, поскольку российская концепция гибридности в войне существенно отличается от западной.

Заблуждение Запада спровоцировала статья начальника российского Генерального штаба генерала Валерия Герасимова 2013 г. Его анализ совре-

¹⁷ Michael Kofman and Matthew Rojansky, "A Closer Look at Russia's 'Hybrid War'," *Kennan Cable*, no. 7 (Wilson Center, April 2015), 5, <https://www.wilsoncenter.org/publication/kennan-cable-no7-closer-look-russias-hybrid-war>.

¹⁸ "Editor's Introduction: Complex Crises Call for Adaptable and Durable Capabilities," *The Military Balance* 115, no. 1 (2015), 5, <https://doi.org/10.1080/04597222.2015.96334>.

¹⁹ Frank G. Hoffman, "Examining Complex Forms of Conflict: Gray Zone and Hybrid Challenges," *PRISM* 7, no. 4 (2018), 40, https://cco.ndu.edu/Portals/96/Documents/prism/prism7_4/181204_Hoffman_PDF.pdf.

менной войны как бы излагал план последующих действий России в Украине. Герасимов характеризовал современную войну как «стирание различий между состоянием войны и мира», что включает:

широкое применение политических, экономических, информационных, гуманитарных и других невоенных мер, реализуемых с задействованием протестного потенциала населения ... [и] военных мер скрытого характера.²⁰

Он утверждал, что нелетальные подходы могут оказаться эффективней военной силы, поскольку они могут вызвать социальные потрясения и создать атмосферу коллапса. Герасимов был не единственным российским военным аналитиком, делавшим оперативный упор на информационно-психологическую войну,²¹ но именно его размышления позволили предположить, что Россия приняла новую стратегию, характеризующуюся переходом от военной силы к нелетальным методам ведения войны. Однако, по мнению Герасимова, современная гибридная война придумана не в России, а представляет собой западную стратегию, используемую для дестабилизации таких стран, как Россия, мешающих доминированию США.²² Даже такие события, как «Цветные революции» и «Арабская весна», рассматривались как гибридные формы войны, используемые для продвижения американских интересов.

В докладе Института изучения войны США 2020 г. раскритикована тенденция рассматривать подходы России к гибридности, как не достигающие уровня обычной войны. В докладе эта точка зрения названа «опасно ошибочной», поскольку Россия включает в свою теорию и практику гибридной войны значительный компонент обычных вооружений.²³ В более поздних заявлениях Герасимов сам как бы пояснил свою мысль, подчеркнув, что эф-

²⁰ Валерий Герасимов, «Ценность науки в предвидении: Новые вызовы требуют переосмыслить формы и способы ведения боевых действий», *Военное обозрение* (январь-февраль 2016): 30-38, 24, <https://web.archive.org/web/20170820160806/http://www.vpk-news.ru/articles/14632>.

²¹ См., например, полковник Чекинов С.Г., генерал-лейтенант Богданов С.А. О характере и содержании войны нового поколения. Журнал «Военная Мысль», 2013, № 10.

²² См., например, Ofer Fridman, "Hybrid Warfare or Gibrnidnaya Voyna? Similar, But Different," *The RUSI Journal* 162, no. 1 (2017): 42-49, <https://doi.org/10.1080/03071847.2016.1253370>; и Mason Clark, "Russian Hybrid Warfare," *Military Learning and the Future of War Series* (Washington, DC: Institute for the Study of War, September 2020), 16-17, <https://www.understandingwar.org/report/russian-hybrid-warfare>.

²³ Clark, "Russian Hybrid Warfare," 8. See also Keir Giles, "'Hybrid Warfare' and Russia's Ground Forces," NIDS International Symposium "A New Strategic Environment and Roles of Ground Forces," January 30, 2019, pp. 79-92, http://www.nids.mod.go.jp/english/event/international_symposium/pdf/2018/e-05.pdf.

фективное применение невоенных мер в операциях в конечном итоге зависит от военной силы.²⁴ Недавняя статья о «специальной военной операции» России в Украине даёт дальнейшее понимание российской доктрины. Её авторы утверждают, что российские военные аналитики видели эту акцию, по крайней мере первоначально, как использование обычной военной силы для достижения конкретных военно-политических целей ниже порога войны.²⁵

Марк Галеотти утверждает, что есть две разные формы российской нелинейной, или гибридной войны. Одна линия предусматривает использование несиловых инструментов, таких, как информационные операции и подрывная деятельность, для деморализации и разъединения западных государств и их партнёров. По сути, это модифицированная версия советской концепции «активных мер» времен Холодной войны. Другая предполагает тактику подрыва легитимности, воли и способности противника к сопротивлению до начала силового вмешательства, включая использование военной силы. Эта концепция больше похожа на гибридную военно-политическую войну против Украины.²⁶

Гибридные угрозы

Сомнения учёных по поводу терминологии не помешали НАТО и Европейскому союзу (ЕС) использовать термин «гибридная война» или, точнее, «гибридные угрозы» для описания нового системного вызова безопасности демократических государств после 2014 года. Хотя европейские аналитики часто используют термины «гибридная война» и «гибридные угрозы» как синонимы,²⁷ в политических документах обычно говорится о гибридных «угрозах», а не о гибридной «войне». В целом было сделано недостаточно

²⁴ Michael Kofman et al., “Russian Military Strategy: Core Tenets and Operational Concepts,” *Center for Naval Analyses*, October 2021, 27, по состоянию на 21 ноября 2022, <https://www.cna.org/reports/2021/10/russian-military-strategy-core-tenets-and-concepts>.

²⁵ Roger N. McDermott and Charles K. Bartles, “Defining the ‘Special Military Operation’,” *Article Review*, *Russian Studies Series*, 5/22, NATO Defense College, по состоянию на 25 октября 2022, <https://www.ndc.nato.int/research/research.php?icode=777>.

²⁶ Mark Galeotti, “(Mis)Understanding Russia’s ‘Two Hybrid Wars’,” *Eurozine*, November 29, 2018, по состоянию на 21 октября 2022, <https://www.eurozine.com/misunderstanding-russias-two-hybrid-wars/>.

²⁷ См., например, Mikael Weissmann, “Hybrid Warfare and Hybrid Threats Today and Tomorrow: Towards an Analytical Framework,” *Journal on Baltic Security* 5, no. 1 (2019): 17-26, <https://journalonbalticsecurity.com/journal/JOBS/article/40/info>; и Niklas Nilsson et al., “Security Challenges in the Gray Zone: Hybrid Threats and Hybrid Warfare,” в *Hybrid Warfare: Security and Asymmetric Conflict in International Relations*, Bloomsbury Collections, ed. Mikael Weissmann, Niklas Nilsson, Björn Palmertz, Per Thunholm (London: Bloomsbury Publishing, 2021).

для разграничения этих двух терминов, хотя Шон Монаган отметил, пожалуй, самое чёткое и полезное отличие:

Гибридные угрозы сочетают широкий спектр ненасильственных средств, нацеленных на уязвимые места во всём обществе, чтобы подорвать функционирование, единство или волю объектов, одновременно разрушая и подрывая статус-кво. Ревизионисты используют такую стратегию для постепенного достижения своих целей, не вызывая решительных ответных мер, включая военный ответ.

Гибридная война — это вызов, создаваемый растущей сложностью вооружённых конфликтов, в которых противники могут сочетать разные виды военных и невоенных средств для нейтрализации обычной военной силы.²⁸

Элизабет Бро отметила аналогичное отличие. Она предлагает применять термин «гибридная война», когда традиционную военную силу используют наряду с невоенными инструментами, в то время как более широкие кампании по ослаблению устойчивости страны с помощью в основном несиловых средств лучше называть «гибридной угрозой».²⁹

Стратегическое мышление НАТО эволюционировало от прежнего понимания гибридности как сочетания регулярных и нерегулярных форм ведения войны к более комплексному подходу, включающему невоенные вызовы. Эти угрозы проанализированы в докладе НАТО “Reflection Process” 2020 г.,³⁰ а об их важности говорит последнее определение гибридных угроз Альянсом:

Гибридные угрозы сочетают военные и невоенные, тайные и явные средства, включая дезинформацию, кибератаки, экономическое давление, применение нерегулярных вооружённых групп и использование регулярных сил. Гибридные методы используют, чтобы размыть грань между войной и миром и посеять сомнения в умах целевых групп населения.³¹

²⁸ Sean Monaghan, “Countering Hybrid Warfare Project,” Information Note, MCDC Countering Hybrid Warfare Project, March 2019, 3, https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/840513/20190401-MCDC_CHW_Information_note_-_Conceptual_Foundations.pdf.

²⁹ Elisabeth Braw, *The Defender’s Dilemma: Identifying and Deterring Gray-Zone Aggression* (Washington, DC: American Enterprise Institute, March 2022), 9. Фрэнк Хоффман отмечает аналогичное отличие – см. Hoffman, “Examining Complex Forms of Conflict,” 39.

³⁰ NATO, “NATO 2030: United for a New Era,” Analysis and Recommendations of the Reflection Group Appointed by the NATO Secretary General, November 25, 2020, 45-46, по состоянию на 8 ноября 2022, https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/12/pdf/201201-Reflection-Group-Final-Report-Uni.pdf.

³¹ Цитата из “NATO’s Response to Hybrid Threats,” NATO, по состоянию на 4 ноября 2022, https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_156338.htm.

И НАТО, и ЕС признают, что гибридные угрозы охватывают весь спектр инструментов национальной мощи. Однако подходы этих организаций различаются по спектру угроз и акценту на несиловых вызовах. В докладе Совета Европы о гибридных атаках, например, гибридные угрозы рассматриваются как политическое понятие, определяемое, как «...неприемлемое иностранное вмешательство во внутренние дела и пространство суверенных государств».³² Служба внешних действий ЕС и Совместная рамочная программа ЕС по гибридным угрозам используют схожие определения, показывающие, что гибридные угрозы для ЕС преимущественно касаются принуждения в государственном управлении, а не насильственных конфликтов.³³ Возможно, это говорит о понятном нежелании милитаризировать деятельность, являющуюся нормальным аспектом противоборства в международной политике. Некоторые аналитики выражают обеспокоенность тем, что вольное использование термина «война» может расширить диапазон действий, считающихся воинственными, и потенциально снизить порог эскалации.³⁴

Различия во взглядах неизбежны, учитывая природу бюрократии и сложность этих вопросов. Однако они усложняют выработку общего понимания политиками современных проблем безопасности и мер по выработке устойчивости, необходимой для их решения. На сегодняшний день не существует однозначного определения гибридной войны/угроз, и значение этих терминов продолжает меняться.³⁵ В последней стратегической концепции НАТО не упоминается термин «гибридная война» и нет определения «гибридных угроз», хотя описание этих угроз предполагает, что Североатлантический союз склоняется к использованию термина «гибридная война» для обозначения преимущественно несиловых вызовов.³⁶

³² European Commission / Hybrid COE, *Landscape of Hybrid Threats: A Conceptual Model* (Luxembourg: Publications Office of the EU, 2021), 10, по состоянию на 6 ноября 2022, <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/b534e5b3-7268-11eb-9ac9-01aa75ed71a1>.

³³ Dick Zandee, Sico van der Meer, and Adája Stoetman, “Hybrid Threats: Searching for a Definition,” in *Counterig Hybrid Threats: Steps for Improving EU-NATO Cooperation*, Clingendael Report (The Hague, The Netherlands: The Clingendael Institute, October 2021), pp. 6-29, <https://www.clingendael.org/pub/2021/countering-hybrid-threats/2-hybrid-threats-searching-for-a-definition/>.

³⁴ См., например, John Raine, “War or Peace? Understanding the Grey Zone,” *IJSS*, April 3, 2019, по состоянию на 9 ноября 2022, <https://www.iiss.org/blogs/analysis/2019/04/understanding-the-grey-zone>.

³⁵ Zandee, van der Meer, and Stoetman, “Hybrid Threats: Searching for a Definition,” 9; and Ewan Lawson, “We Need to Talk About Hybrid,” *The RUSI Journal* 166, no. 3 (2021): 58-66, 59-61, <https://doi.org/10.1080/03071847.2021.1950330>.

³⁶ “NATO 2022 Strategic Concept” (NATO, June 2022), 3, по состоянию на 4 ноября 2022, <https://www.nato.int/strategic-concept/index.html>.

Нерегулярная война

Американские учёные написали массу работ о гибридной войне, а официальные лица часто применяют этот термин. Однако термин «нерегулярная война» в США часто используют для описания того, что определено выше, как гибридные угрозы, гибридная война и конфликт в серой зоне.³⁷ Аналитики признают, что диапазон разных терминов, используемых для описания по сути схожих явлений, не способствует общей ясности и пониманию определений. В своей статье 2016 г. Антулио Эчеверрия выражал обеспокоенность тем, что мешанина терминов создала «большую путаницу, которая затуманила мышление политиков и помешала выработке разумных контрстратегий».³⁸ Недавно Дэвид Уко и Томас Маркс заявили, что диапазон «жаргона» иллюстрирует постоянные трудности США в понимании нерегулярной войны, поскольку «Эта терминология мешает преодолению укоренившихся представлений о войне – путаница порождает когнитивные трения, имеющие последствия для стратегии».³⁹ В учебном пособии КНШ США по нерегулярной войне также признается, что смешение схожих понятий и путаница в терминах может мешать ясности при обучении этой концепции курсантов.⁴⁰

До принятия Стратегии национальной обороны (СНО) США в 2018 году нерегулярная война касалась в основном проблем, исходящих от экстремистских негосударственных субъектов. В Единой операционной концепции нерегулярной войны 2010 года этот термин определялся как «...силовая борьба между государственными и негосударственными субъектами за легитимность в соответствующих группах населения».⁴¹ В СНО 2018 года официально понижен приоритет терроризма и мятежей для национальной безопасности в пользу стратегического соперничества между государствами. В

³⁷ См., например, David H. Ucko and Thomas A. Marks, *Crafting Strategy for Irregular Warfare: A Framework for Analysis and Action*, Strategic Monograph, 2nd edition (Washington, D.C.: National Defense University Press, September 2022) <https://ndupress.ndu.edu/Media/News/News-Article-View/Article/3163915/crafting-strategy-for-irregular-warfare-a-framework-for-analysis-and-action-2nd/>; и Seth G. Jones, “The Future of Competition: U.S. Adversaries and the Growth of Irregular Warfare,” CSIS, February 4, 2021, по состоянию на 7 ноября 2022, <https://www.csis.org/analysis/future-competition-us-adversaries-and-growth-irregular-warfare>.

³⁸ Antulio J. Echevarria, *Operating in the Gray Zone: An Alternative Paradigm for U.S. Military Strategy* (Carlisle, PA: US Army War College Press, April 2016), 1, <https://press.armywarcollege.edu/monographs/425/>.

³⁹ Ucko and Marks, *Crafting Strategy for Irregular Warfare*, 3.

⁴⁰ U.S. Joint Staff, “Curriculum Development Guide for Irregular Warfare,” Office of Irregular Warfare and Competition, Directorate for Joint Force Development (J-7), June 3, 2022, 7.

⁴¹ U.S. Department of Defense, “Irregular Warfare: Countering Irregular Threats,” Joint Operating Concept, Version 2, May 17, 2010, 9, по состоянию на 7 ноября 2021, https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/concepts/joc_iw_v2.pdf?ver=2017-12-28-162021-510.

приложении «Нерегулярная война», вышедшем в 2020 году, объявлено о смещении приоритетов с борьбы с мировыми экстремистскими организациями на противодействие равным соперникам – национальным государствам. Нерегулярная война в документе получила новое определение: «борьба между государственными и негосударственными субъектами за влияние на население и легитимность».⁴² Фокус на борьбе за легитимность сохранился, но слово «силовая» исчезло. Уко и Маркс предположили, что новое определение может указывать на «тонкий, но важный сдвиг, который может сформировать будущую доктрину».⁴³ Но они предостерегают от демилитаризации этого понятия и упущения главной черты нерегулярной войны, независимо от её определения – элемента скрытого или открытого принуждения.⁴⁴ Термин «нерегулярное соперничество» уже обсуждают, как альтернативу «нерегулярной войне»,⁴⁵ что могло бы способствовать взаимопониманию с гражданскими ведомствами, считающими, что понятие «войны» выходит за рамки их компетенции. Тем не менее, учитывая традиционную склонность Америки к военным ответам на внешнеполитические вызовы, такие изменения может быть непросто реализовать на практике.⁴⁶

В СНО США 2022 года доминирует комплексное сдерживание — всеобъемлющая стратегия, направленная на устранение широкого спектра военных и невоенных угроз для безопасности США. Но с точки зрения характеристики угрозы, в стратегическом документе чаще всего упоминаются враждебные действия в серой зоне, определяемые в СНО как «силовые шаги, которые могут быть ниже предполагаемого порога военных действий США».⁴⁷ Из вышеизложенного неясно, станет ли «серая зона» или «нерегу-

⁴² U.S. Department of Defense, “Summary of the Irregular Warfare Annex to the National Defense Strategy,” 2020, 2, <https://media.defense.gov/2020/Oct/02/2002510472/-1/-1/0/Irregular-Warfare-Annex-to-the-National-Defense-Strategy-Summary.PDF>.

⁴³ Ucko and Marks, *Crafting Strategy for Irregular Warfare*, 10.

⁴⁴ Ucko and Marks, *Crafting Strategy for Irregular Warfare*, 10. See also David H. Ucko and Thomas A. Marks, “Redefining Irregular Warfare: Legitimacy, Coercion, and Power,” *Modern War Institute*, October 18, 2022, по состоянию на 8 ноября 2022, <https://mwi.usma.edu/redefining-irregular-warfare-legitimacy-coercion-and-power/>.

⁴⁵ См., например, Jeremiah C. Lumbaca, “Irregular Competition: Conceptualizing a Whole-of-Government Approach for the United States to Indirectly Confront and Deter State and Nonstate Adversaries,” *Military Review* (July-August 2022), по состоянию на 15 ноября 2022, <https://www.armyupress.army.mil/Journals/Military-Review/English-Edition-Archives/July-August-2022/Lumbaca/>.

⁴⁶ См., например, Robert M. Gates, “The Overmilitarization of American Foreign Policy: The United States Must Recover the Full Range of Its Power,” *Foreign Affairs* (July/August 2020), <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-06-02/robert-gates-overmilitarization-american-foreign-policy>.

⁴⁷ U.S. Department of Defense, “National Defense Strategy of the United States of America,” 2022, 6, <https://www.defense.gov/National-Defense-Strategy/>.

лярная война» основой подхода к стратегическому соперничеству в будущем, но путаница в определениях, похоже, сохранится.

Агрессия в «серой зоне»

Центр стратегических и международных исследований (CSIS) определяет проблемы в серой зоне следующим образом:

Попытка или попытки достижения целей безопасности за счет соперника с использованием средств, выходящих за рамки обычного государственного управления, но ниже уровня, влекущего прямой военный конфликт между соперниками. Применяя подход «серой зоны», сторона стремится не пересечь порог, который приведет к открытой войне.⁴⁸

Как и другие термины в этой статье, «серая зона» — понятие расплывчатое и нечёткое. «Серую зону» используют для описания фазы конфликта, оперативной обстановки и тактики. Общеизвестно, однако, что определяющей характеристикой серой зоны является двусмысленность, поскольку её трудно распознать и установить, и нарушители почти всегда отрицают её. Основная задача политиков — решить, что представляет собой «обычное государственное управление» и «прямой военный конфликт», поскольку границы серой зоны трудно очертить на практике.

После 2014 года термин «гибридная война» стали широко использовать для описания враждебных действий, размывающих грань между миром и войной. Однако Майкл Мазарр одним из первых стал отличать «стратегии серой зоны» от гибридных форм войны. Мазарр утверждал, что гибридная война, как её обычно определяют, касается использования насилия для достижения политических целей, и, следовательно, «ближе к разновидности обычной войны, чем к истинной альтернативе ей».⁴⁹ С другой стороны, современные стратегии «серой зоны» используют традиционные нелетальные инструменты соперничества и государственного управления, которые становятся более действенными благодаря новым технологиям. Мазарр сравнил действия в серой зоне с концепцией «политической войны» Джорджа Кеннана, которая предусматривала использование мер, не связанных с войной, в стратегическом противоборстве с Советским Союзом.⁵⁰ Как и Мазарр, Элизабет Бро отличает гибридную войну, которая предполагает «постоянное использование военной силы», от того, что она называет агрессией в серой зоне, определяемой как «... враждебные действия вне рамок

⁴⁸ Melissa Dalton et al., “By Other Means – Part 2: U.S. Priorities in the Gray Zone,” A Report of the CSIS International Security Program (Center for Strategic and International Studies/ Rowman & Littlefield, August 2019), 2, <https://defense360.csis.org/by-other-means-part-ii-u-s-priorities-in-the-gray-zone/>.

⁴⁹ Michael J. Mazarr, *Mastering the Gray Zone: Understanding a Changing Era of Conflict* (Carlisle, PA: USAWC Press, 2015), 44-46, по состоянию на 10 ноября 2021, <https://press.armywarcollege.edu/monographs/428/>.

⁵⁰ Mazarr, *Mastering the Gray Zone*, 48-51.

вооружённого конфликта, направленные на ослабление соперничающей страны, образования или альянса».⁵¹

Примеры агрессии в серой зоне у Бро включают такие действия, как китайские инвестиции в высокотехнологические компании, что, по её признанию, «далеко от традиционных представлений о национальной безопасности». ⁵² Сет Джонс также упоминает такие действия Китая, как операции влияния в университетских кампусах и даже попытки цензуры Голливуда, которые трудно назвать угрозами национальной безопасности.⁵³ Недобросовестный бизнес и попытки силового влияния иностранных держав, безусловно, должны вызывать беспокойство государств, которых они касаются, но включение слишком широкого спектра примеров агрессии в серой зоне может лишиться этот термин практической полезности и затруднить определение правительствами приоритетных несиловых проблем безопасности. Осложняет ситуацию то, что вредоносная деятельность в серой зоне часто законна, а значит, не обязательно вызовет соответствующую реакцию служб безопасности. Китай использует официальное присутствие в соцсетях, чтобы утвердить свое влияние в мире и продвигать конкретные идеи по таким деликатным вопросам, как права человека и COVID-19.⁵⁴ Представляет ли эта деятельность нормальную стратегическую коммуникацию, враждебную агрессию в серой зоне или и то, и другое — вопрос спорный.

Авторитарные противники Запада воспользовались свободой СМИ либеральных демократий, открытостью гражданского общества и частной экономики, что делает их особенно уязвимыми для тактики серой зоны. Россия использует смесь киберопераций, шпионажа, тайных действий и дезинформации против западных стран. Попытки России ослабить своих соперников не изменились с советских времен, но достижения в области вычислений, информационных технологий и обработки данных существенно увеличили их охват и эффективность. Председатель комитета по разведке Сената США Марк Уорнер заметил, что «социальные сети позволили России усилить попытки дезинформации... там, где пропаганда и фейковые новости могут распространяться со скоростью лесного пожара».⁵⁵ Вмешательство России в президентские выборы в США в 2016 году стало кульминационным моментом её кампании по дезинформации Запада. Ложь в соцсетях, взлом информационных систем Демократической партии и публикация украденных

⁵¹ Braw, *The Defender's Dilemma*, 10-11.

⁵² Braw, *The Defender's Dilemma*, 12.

⁵³ Jones, "The Future of Competition."

⁵⁴ BBC Monitoring, "China's Public Diplomacy on Twitter and Facebook," 2021, 8, https://www.academia.edu/80483985/Chinas_public_diplomacy_on_Twitter_and_Facebook.

⁵⁵ "Return of Global Russia," Speech by Senator Mark Warner to the Carnegie Endowment for International Peace, March 1, 2018, по состоянию на 11 ноября 2022, <https://www.warner.senate.gov/public/index.cfm/blog?ID=F2851C9D-3E4A-4F85-A54E-92F1B747360C>.

файлов и электронных писем породили сомнения и замешательство, усугубив разногласия в обществе.

Кибероперации России также становятся все более изощренными и адаптируются к конкретным целям в соответствующих государствах. Вирус NotPetya, появившийся в 2017 году, должен был вызвать максимальный ущерб в ходе продолжающейся гибридной войны России против Украины. В результате этой атаки вредоносный код был внедрен в автоматизированное программное обеспечение Украины для подготовки налоговых деклараций, что нарушило деятельность банков, больниц, энергокомпаний, аэропортов и госучреждений. Напротив, вторжение в цепочки поставок SolarWinds в США в 2020 году было более типичным для киберопераций против западных государств. Целью атаки был шпионаж. Компания SolarWinds не была основной целью. Это был лишь способ получить доступ к правительственным системам США. В исследовании RAND, посвященном действиям России в серой зоне в Европе, различаются «повседневные» действия, а именно пропаганда, дезинформация и операции влияния, и прямая угроза или применение насилия, как, например, попытка государственного переворота в Черногории в 2016 году.⁵⁶ Это различие во многом похоже на приведенные выше аргументы Галеотти относительно двойного подхода к гибридной войне России.

Подход Китая к агрессии в серой зоне менее милитаризован, чем российский. Будучи ведущей торговой страной мира, Китай располагает более широким набором несиловых инструментов. Серая зона даёт Китаю множество возможностей для усиления своей мощи и влияния посредством таких разнообразных действий, как строительство и милитаризация островов в Южно-Китайском море, кибервзлом с целью кражи научных исследований у западных институтов и хищнический бизнес.

В Китае с 2003 года принята доктрина «трёх войн» (*san zhong zhanfa*), включающая элементы «Неограниченной войны» в революционных традициях Компартии и «Искусства войны» Сунь Цзы.⁵⁷ Первый элемент – *психологическая война* – имеет целью подорвать способность противника принимать решения, путем обмана или запугивания. Частые вторжения в опознавательную зону ПВО Тайваня, например, призваны ослабить решимость правительства и народа Тайваня противостоять требованиям Китая. Второй элемент – *правовая война* – использует внутреннее право в качестве основы для претензий Китая в международном праве. Китай отверг решение Кон-

⁵⁶ Stacie L. Pettyjohn and Becca Wasser, “Competing in the Gray Zone: Russian Tactics and Western Responses,” Research Report RR-2791-A (RAND Corporation, 2019), Chapter 4, <https://doi.org/10.7249/RR2791>.

⁵⁷ Doug Livermore, “China’s Three Warfares in Theory and Practice in the South China Sea,” *Georgetown Security Studies Review*, March 25, 2018, <https://georgetownsecuritystudiesreview.org/2018/03/25/chinas-three-warfares-in-theory-and-practice-in-the-south-china-sea/>.

венции ООН по морскому праву касательно его претензий в Южно-Китайском море, настаивая на своих исторических правах. Последний элемент – *медиа-война* – используется для формирования общественного мнения в стране и за рубежом в поддержку психологической и юридической войны. Поэтому Китай проводит масштабную операцию в цифровых СМИ, чтобы манипулировать общественным мнением по всей Юго-Восточной Азии. Как и российские военные, Народно-освободительная армия Китая считает информационное доминирование решающим фактором своей военной стратегии. Доктрина трёх войн служит этой более широкой стратегической концепции, избегая при этом эскалации до обычной войны.⁵⁸ Возможно, это лучший пример стратегемы серой зоны.

Китай – отнюдь не единственное государство, применяющее экономическое принуждение. Например, недавнее решение США ввести контроль над экспортом в Китай полупроводников и оборудования для их производства было названо «экономической войной».⁵⁹ Но экономическое принуждение стало важным инструментом внешней политики Китая⁶⁰ для наказания таких государств, как Австралия, не согласных с его политикой.⁶¹ Китайская инициатива «Один пояс – один путь» не так однозначна. Она предлагает стимулы правительствам, не имеющим доступа к международному финансированию, и в то же время даёт Китаю возможность влиять на их внутреннюю политику и доступ к природным ресурсам и стратегическим объектам. Экономическая активность Китая больше, чем другие направления его внешней политики, стирает грань между сильным государственным управлением и агрессией в серой зоне.

⁵⁸ Livermore, “China’s Three Warfares;” and David Knoll, Kevin Pollpeter, and Sam Plapinger, “China’s Irregular Approach to Warfare: The Myth of a Purely Conventional Fight,” *Modern War Institute*, April 27, 2021, по состоянию на 15 ноября 2022, <https://mwi.usma.edu/chinas-irregular-approach-to-war-the-myth-of-a-purely-conventional-future-fight/>.

⁵⁹ Eric Levitz, “Biden’s New Cold War Against China Could Backfire,” *Intelligencer*, November 14, 2022, <https://nymag.com/intelligencer/2022/11/biden-economic-war-china-chips-semiconductors-export-controls.html>.

⁶⁰ Bonnie Glaser, “How China Uses Economic Coercion to Silence Critics and Achieve Its Political Aims Globally,” Testimony before the Congressional Executive Commission on China, December 7, 2021, по состоянию на 14 ноября 2022, <https://www.cecc.gov/events/hearings/how-china-uses-economic-coercion-to-silence-critics-and-achieve-its-political-aims>.

⁶¹ Ashley Townshend and Thomas Loneragan, “Australia Must Adopt Unorthodox Options to Disrupt China’s Grey-Zone Threats,” *The Guardian*, September 28, 2021, по состоянию на 13 ноября 2022, <https://www.theguardian.com/australia-news/commentisfree/2021/sep/28/australia-must-adopt-unorthodox-options-to-disrupt-chinas-grey-zone-threats>.

Война в серой зоне

Определение порога между агрессией в серой зоне и прямым военным конфликтом представляет собой как аналитическую, так и практическую задачу, особенно с учетом того, что силовые военные действия являются обычной чертой тактики серой зоны. До вторжения в Украину Россия использовала развёртывание войск и провокационные учения, чтобы оказать давление на Украину и запугать европейские государства. Морское ополчение Китая часто применяет силовые методы против иностранных рыболовецких судов, чтобы поддержать территориальные претензии Китая в Южно-Китайском море. Военные операции, классифицируемые как «серая зона», иногда трудно отличить от прямой войны. Некоторые ученые называют российские военные операции на востоке Украины и насилие джихадистских группировок на Ближнем Востоке и в Африке конфликтами в серой зоне.⁶² Хотя обычные вооружённые силы Ирана относительно слабы, он, тем не менее, успешно использовал силы марионеток в силовых конфликтах на Ближнем Востоке для продвижения своих стратегических интересов. Иран даже называют «типичным игроком серой зоны, весь образ действий которого определяется этим конкретным способом ведения войны».⁶³

В эпоху холодной войны сверхдержавы старались соперничать, избегая прямого вооружённого конфликта, повышающего риск ядерной войны. Но в этот период в мире произошло множество войн; многие из них вели марионетки сверхдержав, которыми те жонглировали для достижения стратегического преимущества. Прокси-войны вернулись в новую эпоху стратегического противоборства, но уже не в виде бинарной государственной деятельности. Прокси-войны определяются как «(вооружённые конфликты)..., в которых противники используют третьи стороны либо как дополнительное средство ведения войны, либо вместо прямого использования собственных армий».⁶⁴ Скрытое и не прямое использование вооружённых сил государства и нерегулярных сил, к которым в настоящее время можно отнести частные военные компании, хакеров и преступников, характерно для силового аспекта «серой зоны» и идёт вразрез с попытками определить эту «зону» на основе одних лишь несиловых мер принуждения.

Слова «война» и «военные действия» обычно применяют вне их первоначальной, первичной связи с политически мотивированным организован-

⁶² См., например, Hoffman, "Examining Complex Forms of Conflict," 36; и David Barno and Nora Bensahel, "Fighting and Winning in the 'Gray Zone'," *War on the Rocks*, May 19, 2015, по состоянию на 10 ноября 2022, <https://warontherocks.com/2015/05/fighting-and-winning-in-the-gray-zone/>.

⁶³ Michael Eisenstadt, "Iran's Gray Zone Strategy: Cornerstone of Its Asymmetrical Way of War," *PRISM* 9, no. 2 (2021): 77-97, 78, по состоянию на 10 ноября 2022, <https://ndupress.ndu.edu/Journals/PRISM/PRISM-9-2/>.

⁶⁴ Geraint Hughes, *My Enemy's Enemy: Proxy Warfare in International Politics* (Eastbourne: Sussex Academic Press, 2012), 2.

ным насилием. Правительства часто используют слово «война» при описании внутренних или внешних угроз своей власти. Такие термины, как экономическая война, кибервойна или война законов, усложняют попытки провести различие между войной, конфликтом и соперничеством в международной политике. Отсутствие консенсуса среди западных аналитиков в том, являются ли войной принудительные действия в «серой зоне», не удивительно, но противники Запада, похоже, не имеют подобных сомнений. Президент Путин неоднократно заявлял, что Россия ведёт цивилизационную войну с Западом, а политическое и военное руководство России рассматривает несилковую тактику как важный элемент войны. Китайская стратегия «Трёх войн» по своей сути является формой войны, и НОАК проводит операции в «серой зоне», которые могут быть полностью интегрированы в традиционную военную стратегию и тактику. Иран постоянно ведёт асимметричную войну против своих главных врагов — Израиля и США. Некоторые аналитики разделяют мнение, что агрессия в серой зоне является формой войны, хотя никто из них не утверждает, что всегда уместен или необходим военный ответ.⁶⁵ Джордж Кеннан, возможно, принял этот принцип ещё в 1940-х годах, когда он назвал стратегию сдерживания политической войны «логическим применением доктрины Клаузевица в мирное время».⁶⁶ Некоторые современные ученые также ссылаются на Клаузевица при обсуждении гибридных угроз. Шон Монаган, например, утверждает, что гибридная агрессия нацелена на правительство, народ и армию – все три элемента знаменитой «тройки» Клаузевица, от которой правительства зависят для удержания и применения власти.⁶⁷

«Гибридный» аспект войны России против Украины

Многие аналитики предполагали, что серая зона останется главной ареной стратегического противоборства.⁶⁸ Нападение России на Украину в феврале

⁶⁵ См., например, Mark Galeotti, *The Weaponisation of Everything: A Field Guide to the New Way of War* (New Haven, CT: Yale University Press, 2022), 18; Ucko and Marks, “Redefining Irregular Warfare;” Arsalan Bilal, “Hybrid Warfare – New Threats, Complexities and ‘Trust’ as the Antidote,” *NATO Review*, November 30, 2021, по состоянию на 24 октября 2022, <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/11/30/hybrid-warfare-new-threats-complexity-and-trust-as-the-antidote/index.html>; и Raphael S. Cohen et al., “The Future of Warfare in 2030: Project Overview and Conclusions,” Research Report RR-2849/1-AF (Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2020), 13-14, по состоянию на 15 ноября 2022, https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2849z1.html.

⁶⁶ George Kennan, “Policy Planning Staff Memorandum,” May 1948, accessed November 15, 2022, <http://academic.brooklyn.cuny.edu/history/johnson/65ciafounding3.htm>.

⁶⁷ Monaghan, “Countering Hybrid War Project,” 3.

⁶⁸ См., например, Kevin Bilms, “Gray Is Here to Stay: Principles from the Interim National Security Strategic Guidance on Competing in the Gray Zone,” *Modern War Institute*, March 25, 2021, по состоянию на 9 ноября 2022, <https://mwi.usma.edu/gray-is-here-to-stay-principles-from-the-interim-national-security-strategic-guidance-on-competing-in-the-gray-zone/>.

2022 года сломало эту парадигму. Президент Совета по международным отношениям Ричард Хаас описал войну России против Украины, как революционное событие:

Агрессия России перевернула многие представления, определявшие взгляды на международные отношения в эпоху после холодной войны. Закончились каникулы истории, когда войны между странами были редкостью, что разрушило норму, запрещавшую странам приобретать территории силой.⁶⁹

Пока ещё рано судить, верны ли предположения Хааса, но война, вероятно, даст ученым и политикам богатый материал для анализа на годы вперед. Естественно, много говорилось об обычных боевых действиях и возможном использовании ядерного оружия, но конфликт продолжают рассматривать также и через призму гибридной войны.⁷⁰ Россия объединила обычные военные операции с кампаниями кибернетической, дезинформационной и экономической войны с тем, чтобы подорвать способность и волю украинского правительства и народа к сопротивлению. За пределами Украины Россия активизировала дезинформационные и пропагандистские усилия в Африке, на Ближнем Востоке и в Латинской Америке, добившись определенных успехов в снятии вины за войну. Продолжались кибератаки, в частности, на Литву и Эстонию летом 2022 года; Путин использовал угрозу ядерной эскалации для психологической войны, чтобы оказать давление на Запад и заставить его ограничить поставки вооружений Украине. Падение боевой эффективности вооружённых сил России уже породило предположения о том, что в будущем российские лидеры будут уделять ещё больше внимания гибридным формам войны.⁷¹

Между Россией и НАТО нет «горячей» войны, но обе стороны проводят враждебные операции ниже этого порога. Основным оружием «серой зоны» для Запада являются экономические санкции; с началом войны США и их союзники ввели беспрецедентно жёсткие санкции против России. *The*

⁶⁹ Richard Haass, "The Dangerous Decade: A Foreign Policy for a World in Crisis," *Foreign Affairs* (September/October 2022), <https://www.foreignaffairs.com/united-states/dangerous-decade-foreign-policy-world-crisis-richard-haass>.

⁷⁰ См., например, Scott Jasper, "Can Russian Hybrid Warfare Win the Day in Ukraine?" *The National Interest*, October 7, 2022, по состоянию на 19 ноября 2022, <https://nationalinterest.org/blog/techland-when-great-power-competition-meets-digital-world/can-russian-hybrid-warfare-win-day>; Manoj Joshi, "The Russia-Ukraine War: Ukraine's Resistance in the Face of Hybrid Warfare," *Observer Research Foundation*, June 6, 2022, по состоянию на 2 ноября 2022, www.orfonline.org/expert-speak/ukraines-resistance-in-the-face-of-hybrid-warfare/.

⁷¹ Andrea Kendall-Taylor and Michael Kofman, "Russia's Dangerous Decline: The Kremlin Won't Go Down Without a Fight," *Foreign Affairs* (November/December 2022), <https://www.foreignaffairs.com/ukraine/russia-dangerous-decline>; Ucko and Marks, "Redefining Irregular Warfare."

Economist назвал их «экономической войной высокого риска»,⁷² а министр иностранных дел России Сергей Лавров — «тотальной гибридной войной» против своей страны.⁷³ Россия ответила на санкции, задействовав против Европы энергетический рычаг. Поставки газа были резко сокращены, с явной целью болезненного ограничения энергоносителей в зимний период, что должно было убедить европейские страны оказать давление на Украину, принудив её к переговорам.⁷⁴ Диверсии на трубопроводе «Северный поток» в сентябре, за которыми может стоять Россия, продемонстрировали уязвимость критически важной инфраструктуры и повысили ставки для Запада.⁷⁵ Россия установила наблюдение за нефтегазовыми объектами и трансатлантическими подводными кабелями связи; недавно при подозрительных обстоятельствах были оборваны кабели вблизи Шпицбергена и Шетландских островов. Американские специалисты в области кибербезопасности также заявляют, что Россия заранее подготовила киберсредства для массированных атак на западные объекты критической инфраструктуры.⁷⁶ Трансатлантические кабели и другая критическая инфраструктура стратегически уязвимы, если Путин решит пойти на эскалацию, хотя преднамеренный удар по ним может превысить порог открытой войны с НАТО. Саймон Тисдалл в статье в *The Observer* описывает действия России как «невоенную гибридную войну» с намерением «...навредить, запутать, запугать, ослабить и разделить подвергшиеся нападению государства, делая вид, что она тут ни при чём».⁷⁷

Многие аналитики классифицируют этот конфликт как войну прокси.⁷⁸ Как отмечено выше, война прокси характерна для многих вооружённых

⁷² “A New Age of Economic Conflict,” *The Economist*, March 2, 2022, <https://www.economist.com/leaders/a-new-age-of-economic-conflict/21807968>.

⁷³ Cameron Jenkins, “Kremlin Official Says West Has Declared ‘Total War’ on Russia,” *The Hill*, March 25, 2022, по состоянию на 16 ноября 2022, <https://thehill.com/policy/international/russia/599722-lavrov-says-west-has-declared-total-war-on-russia/>.

⁷⁴ Peter Clement, “Putin’s Risk Spiral: The Logic of Escalation in an Unraveling War,” *Foreign Affairs*, October 26, 2022, <https://www.foreignaffairs.com/ukraine/putin-risk-spiral-logic-of-escalation-in-war>.

⁷⁵ Melissa Eddy, “Pipeline Breaks Look Deliberate, Europeans Say, Exposing Vulnerability,” *The New York Times*, September 28, 2022, <https://www.nytimes.com/2022/09/27/world/europe/pipeline-leak-russia-nord-stream.html>; Richard Milne, “Damaged Baltic Sea Pipelines Put Western Powers on Alert for Sabotage,” *Financial Times*, September 29, 2022.

⁷⁶ Marcus Willett, “The Cyber Dimension of the Russia-Ukraine War,” *Survival* 64, no. 5 (October–November 2022): 7–26, цитата на с. 21, <https://doi.org/10.1080/00396338.2022.2126193>.

⁷⁷ Simon Tisdall, “Unseen and Underhand: Putin’s Hidden Hybrid War Is Trying to Break Europe’s Heart,” *The Observer*, October 23, 2022, <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/oct/23/unseen-and-underhand-putins-hidden-hybrid-war-is-trying-to-break-europes-heart>.

⁷⁸ Eliot A. Cohen, “America’s Hesitation Is Heartbreaking,” *The Atlantic*, March 14, 2022, www.theatlantic.com/ideas/archive/2022/03/ukraine-united-states-nato/627052/;

конфликтов последнего времени, в которых государства стремятся повлиять на исход войны в другой стране без прямого военного вмешательства. США и их союзники предоставили военную и экономическую помощь на миллиарды долларов, включая оружие, обучение, разведку и опыт в области кибербезопасности, в поддержку военных усилий Украины. США официально отрицают своё участие в войне прокси, но, как признал министр обороны Ллойд Остин в апреле 2022 года, у США есть более широкие цели, чем просто помочь Украине защитить себя. По словам Остина, «мы хотим, чтобы России было сложнее угрожать своим соседям, и лишить её возможности делать это».⁷⁹ Как и в прокси-войнах времён холодной войны, и Байден, и Путин до сих пор придерживались негласных правил, призванных предотвратить опасную эскалацию вплоть до прямого военного конфликта.⁸⁰

Заключение

Наш анализ показывает, что политики и военные специалисты сталкиваются со множеством различных, но пересекающихся терминов, часто используемых как синонимы для описания схожих явлений. Термин «гибридная война» справедливо критиковали за то, что он неточен, неисторичен и применяется к элементам стратегического противоборства государств, которые вряд ли можно назвать войной в её традиционном понимании. Обсуждаемые здесь альтернативные термины, такие, как «нерегулярная война», «гибридные угрозы» и «агрессия в серой зоне», подвергались аналогичной критике, но, как и «гибридная война», также часто используются аналитиками и практиками. Обилие новомодных терминов создаёт путаницу и не-

Sam Winter-Levy, "A Proxy War in Ukraine Is the Worst Possible Outcome – Except for All the Others," *War on the Rocks*, March 28, 2022, по состоянию на 21 ноября 2022, <https://warontherocks.com/2022/03/a-proxy-war-in-ukraine-is-the-worst-possible-outcome-except-for-all-the-others/>; Hals Brand, "Russia Is Right: The U.S. Is Waging a Proxy War in Ukraine," *The Washington Post*, May 10, 2022, www.washingtonpost.com/business/russia-is-right-the-us-is-waging-a-proxy-war-in-ukraine/2022/05/10/2c8058a4-d051-11ec-886b-df76183d233f_story.html; Dov S. Zakheim, "Russia's Invasion of Ukraine Has Sparked a Proxy World War," *The Hill*, November 18, 2022, по состоянию на 21 ноября 2022, <https://thehill.com/opinion/national-security/3739744-russias-invasion-of-ukraine-has-sparked-a-proxy-world-war/>.

⁷⁹ U.S. Department of Defense, "Secretary of Defense Lloyd J. Austin III Holds a News Conference Following Ukraine Defense Consultative Group Meeting, Ramstein Air Base, Germany," Transcript, April 26, 2022, по состоянию на 21 ноября 2022, <https://www.defense.gov/News/Transcripts/Transcript/Article/3011263/secretary-of-defense-lloyd-j-austin-iii-holds-a-news-conference-following-ukrai/>.

⁸⁰ Liana Fix and Michael Kimmage, "What If the War in Ukraine Spins Out of Control? How to Prepare for Unintended Escalation," *Foreign Affairs*, July 19, 2022, <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2022-07-18/what-if-war-in-ukraine-spins-out-control>.

понимание, что может негативно сказаться на выработке скоординированных, сфокусированных и действенных ответов на угрозы, исходящие от авторитарных противников Запада. Хотя введение общей терминологии и определений для описания современных войн было бы полезно, из приведенного выше анализа должно быть очевидно, что на практике это вряд ли возможно.

Хотя термин «гибридная война» в академическом дискурсе остаётся спорным, практики и аналитики продолжают использовать его в качестве устоявшегося термина для описания комплексного характера современной войны. Несмотря на веские аргументы в отношении чрезмерно широкой и двусмысленной терминологии, обсуждение гибридной войны и других родственных понятий позволило критически подойти к традиционному для Запада бинарному отличию войны от мира, а также обычной и нерегулярной войны. Анализ этих терминов позволяет понять, как современные государственные и негосударственные субъекты используют и объединяют силовые и несиловые методы ведения войны для достижения своих стратегических целей. Дискуссия помогла больше узнать о силовых действиях противников, использующих уязвимость Запада в соперничестве на стыке государственного управления и открытой войны. Эффективность этой тактики повышает развитие кибер-, информационных и экономических методов ведения войны, которые, возможно, навсегда изменили представление о силе в международной политике. Главное – понятие гибридной войны убедило страны Запада в необходимости комплексных подходов к национальной безопасности, выходящих за рамки традиционных институтов обороны и охватывающих как военные, так и гражданские правительственные учреждения, гражданское общество и частный сектор.

Примечание

Представленные здесь взгляды принадлежат исключительно автору и не выражают официальную позицию Консорциума военных академий и институтов изучения проблем безопасности программы «Партнёрство ради мира», организаций-участниц или издателей Консорциума.

Благодарность

Connections: The Quarterly Journal, Vol. 22, 2023, вышел при поддержке правительства США.

Об авторе

Джеймс Уизер – отставной офицер британской армии, бывший исследователь современной войны в Военном музее в Лондоне. Ранее был профессором национальной безопасности в Европейском центре исследований безопасности имени Джорджа Маршалла, где специализировался на исследованиях и преподавании нерегулярной войны и борьбы с терроризмом.
Электронная почта: jkw53a@gmail.com